

KIII 194621

KIII 194621

Цѣна 20 коп.

В. В. Верещагинъ

(біографіческій очеркъ)

→ XII ←

ПОЛНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

выставки картинъ

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

—♦♦♦♦—

(Оттиски изъ „Вилен. Выстн.“ за 1900 г.).

—

ВИЛЬНА.

Типо-Лит. М. Дворжеца, Нѣм. ул., д. Слотвинскихъ.

1901.

Дозв. ценз. 14-го Декабря 1900 г.—Вильна.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Въ 1887 году лондонскій религіозный органъ «Christian» помѣстилъ на страницахъ своихъ слѣдующій знаменательный отзывъ о картинахъ художника В. В. Верещагина:

«Картины эти принадлежать кисти Верещагина, неуступающаго ни одному изъ современныхъ представителей живописи, что касается до мастерства техники, и превосходящаго всѣхъ художниковъ, когда-либо жившихъ, величиемъ своихъ вразумительныхъ цѣлей и доступностью своихъ назиданій сознанію всѣхъ, кто только дастъ себѣ нѣсколько труда понять его. Я хочу лишь сказать, что тотъ, кто упустить случай увидѣть эти картины—упустить навлущую возможность понять вѣкъ, въ которомъ онъ живеть. Если девятнадцатое столѣтіе имѣло когда-либо пророка, то этотъ пророкъ—русскій художникъ Верещагинъ».

Этими словами я и начинаю статью мою о Василіи Васильевичѣ Верещагинѣ, такъ какъ они ярко характеризуютъ значеніе его выставокъ и вырвались у пзвѣстнаго клерикального органа въ то время, когда католическое духовенство на Западѣ обрушивалось на художника за оригинальное, смѣлое отношеніе къ религіознымъ сюжетамъ, а въ

публикъ и печати раздавались голоса, обвинявшіе его даже въ отсутствіи таланта, тенденціозности и т. п.

Нашей Вильнѣ вышло рѣдкое счастье — на предстоящей грандіозной выставкѣ воочію убѣдиться въ справедливости вышеприведенаго отзыва. Но многіе-ли, слышавъ про фамилію Верещагина, знаютъ основательно, кто онъ такой, какъ человѣкъ, художникъ и писатель, какіе идеалы приводить въ жизни, куда стремится, чего достигнулъ?!. Надняхъ еще мнѣ пришлось познакомиться съ такимъ дикимъ отзывомъ о Верещагинѣ, какъ художникѣ, отъ котораго я краснѣлъ, стыдясь..., конечно, за говорившаго. Когда я задумалъ набросить настоящую статью, то во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Вильчы не нашлось ни одной печатной строчки о великому художникѣ, по поводу произведеній котораго у насъ и за границей создалась уже цѣлая серьезная литература, такъ что булгаковское изданіе принужденъ былъ я выписать отъ помѣщика изъ деревни, а брошюры Верещагина, въ которыхъ онъ говоритъ пошути о себѣ и своихъ художественныхъ идеалахъ, а случайно нашелъ у лица, совершенно непричастнаго къ искусству.

Не безъ страха принимаюсь я за составленіе хотя-бы краткаго очерка — для того, чтобы познакомить публику съ удивительнымъ человѣкомъ, не побоявшимся явиться въ Вильну со своими картинами, хотя городъ нашъ уже

заслужилъ издавна незавидную репутацію равнодушнаго къ художественнымъ выставкамъ, на которыхъ не лежить печать національной тенденціозности... Но не такой бѣглый, спѣшный трудъ хотѣлъ бы я сложить къ ногамъ этого самороднаго русскаго генія —ко дню открытия его выставки!.. Впрочемъ, лучше сказать что нибудь, чѣмъ промолчать. И я начинаю, заранѣе извиняясь и передъ читателями и передъ художникомъ—если ему попадутся ему эти строки...

В. В. Верещагинъ родился 14 октября 1842 года въ г. Череповцѣ, Новгородской губерніи, въ довольно богатой, многочисленной помѣщичьей семье. (Отецъ его былъ уѣздный предводитель дворянства). Рано сталъ развиваться маленький Вася въ деревенской обстановкѣ, искытывая на себѣ въ качествѣ «барчонка» того времени—и чрезмѣрное бадовство матери, и суровиля наказанія отца за невинныя въ сущности шалости, съ увлечениемъ отдавая ребячіе досуги охотѣ, рыбной ловлѣ, собиранію грибовъ, и, такимъ образомъ, знакомясь близко съ деревенскою природою. Сказки сусѣрной, невѣжественной пяни, исключительная обстановка крѣпостного быта, столкновенія съ простымъ народомъ — крѣпостными, бурлаками, странниками—и его воззрѣніями—скоро стали поднимать въ головкѣ талантливаго ребенка вопросы, не свойственные его возрасту. Учился онъ хорошо, съ охотою, даже порой съ увлечениемъ, читаль зѣпоемъ, плавяясь преимущественно подвигами героевъ русской истории, которую зналъ отлично. Воображеніе мальчика усиленно работало, создавая картины прошлаго и заставляя дѣлать попытки перенести на бумагу съ помощью карандаша то, что носилось въ туманныхъ, неясныхъ образахъ. Вотъ почему уже въ раннемъ дѣтствѣ Вася Верещагинъ дѣлалъ рисунки, копируя съ гравюръ и обнаруживая при этомъ несомнѣнныи художественный талантъ, на который, къ сожалѣнію, въ семье не обращали вниманія.

лось вниманія. За неимѣніемъ хорошихъ оригиналовъ, мальчикъ довольствовался также рисунками, попадавшимися въ домъ дяди его, и подолгу любовался убогою живописью на мѣстныхъ образахъ сельскаго храма, казавшуюся ему въ ту пору выдающейся и далѣе которой идти трудно.

Прошли первыя 8 лѣтъ дѣтства. Маленькаго Верещагина оторвали, наконецъ, отъ семьи и повезли въ Царское Село, въ Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ,—гдѣ встрѣтила его, съ первыхъ же шаговъ, суровая, непривычная обстановка, сомнительные нравы закрытаго заведенія, подчасъ грубые воспитатели. Только воспитательницы—по воспоминаніямъ Верещагина—скрашивали, по мѣрѣ силъ, неприглядныя стороны тогдашней кадетской жизни.—Началась сгребая муштра, обученіе фронту, шагистикѣ—и это послѣ деревенской свободы!.. Тяжело жило сначала въ стѣнахъ корпуса впечатлительному, первому, вдумчивому ребенку, плохо сходился онъ съ товарицами, пока не втянулся въ кадетскій бытъ и не научился, отстаивая свою личность, бороться съ вредными вліяніями. Нечего говорить, что и въ корпусной жизни были свои хорошія стороны: здѣсь, напр., Верещагинъ прилежно занялся изученіемъ англійскаго языка, началъ учиться рисованію у художника Кокорева, требовавшаго, вирочемъ, главнымъ образомъ у своихъ учениковъ чистоты и аккуратности въ рисункѣ—качество,

которыми не отличались въ то время работы разсѣяннаго мальчика... Въ корпусъ, какъ и въ семье, никто не подмѣтилъ въ немъ задатковъ будущаго таланта. И не разъ, видя успѣхи другихъ товарищей по рисованію, приходилъ въ глубокое отчаяніе Верещагинъ, даже втайне завидовалъ имъ... Но мысль сдѣлаться современемъ настоящимъ, великимъ художникомъ уже съ дѣтства твердо засѣла въ его головѣ и не давала ему покоя...

Въ 1853 г., окончивъ Александровскій корпусъ, Верещагинъ поступалъ въ морской корпусъ, гдѣ ожидала его еще болѣе суровая обстановка, стремившаяся убить всякую личную иниціативу, подвести подъ общій урвень... Несмотря на подобныя условія, Верещагинъ въ корпусные досуги свои отдавалъ рисованію и литературнымъ трудамъ, дѣлая переводы съ англійскаго языка на русскій и получая за это незначительный гонораръ. Въ морскомъ корпусѣ художественный талантъ Верещагина сдѣлалъ уже значительные шаги впередъ и обратилъ на себя, наконецъ, вниманіе учителя рисованія Каменева, а также художника Фомина, которые, будучи сама посредственностью въ вопросахъ искусства, мало оказали вліянія и на развитіе природнаго дарованія ихъ ученика. За то морская поѣздка въ 1857 году, въ качествѣ пятнадцатилѣтняго гардемарина, заграницу сыграла выдающуюся роль въ жизни Верещагина — въ смыслѣ умственнаго и художественнаго раз-

витія:—во время этой поїздки онъ много читалъ, еще болѣе наблюдалъ, зарисовывалъ на свободѣ; не было той муштры, которая угнетала въ стѣнахъ корпуса. Наконецъ, онъ увидѣлъ новые страны, новыхъ людей, познакомился съ иными нравами. Все это не могло не дать пищи его уму и воображенію —такъ что, по возвращеніи изъ плаванья, онъ принялъ серьезно за живопись и въ 1858 г. сталъ посѣщать школу общества поощрепія художествъ, какъбы подготавлившую къ академіи, о которой сохранилъ навсегда самыя свѣтлые воспоминанія.

Карьера морского офицера по прежнему не сколько во прельщала Верещагина, и новое плаванье—въ Авглію, давшее новую пищу его наблюдательности, только усилило въ немъ страсть къ живописи и желаніе сдѣлаться во что бы то ни стало настоящимъ художникомъ. Вотъ почему, не смотря на открывшуюся служебную карьеру и неудовольствіе родныхъ, нежелавшихъ видѣть его живописцемъ, Верещагинъ въ 1860 году, по окончаніи морскаго корпуса, вышелъ въ отставку съ чиномъ «капортика гарнизонной команды» и поступилъ въ академію художествъ.

Пребываніе въ академіи было знаменательнымъ для Василія Васильевича въ томъ отношеніи, что убѣдило его—вопреки принятой тогда академической системѣ—въ превосходствѣ работы съ натуры надъ рабскими подражаніемъ признанными мастерами и

копированіемъ съ ихъ произведеній. Внѣшніе обрісовались здѣсь, въ академіи, взгляды Верещагина — въ рядѣ протестовъ противъ установившейся академической рутинѣ. Но трудно было бороться одному, начинаящему, противъ общаго течевія!... И тѣмъ не менѣе онъ не побоялся отстаивать свои убѣжденія гдѣ только представлялась къ тому возможность.

Въ 1860 году видимъ мы Верещагина въ Парижѣ. Здѣсь встрѣтилъ онъ художника Деверіа, пытавшагося отклонить его отъ изученія натуры. Въ 1863 году онъ уже на Кавказѣ. Много испытаній, бѣрбѣ, разочарованій пришлось вынести молодому художнику, лишенному материальной поддержки, для того, чтобы имѣть возможность совершилъ послѣднюю надѣдку, и часто нуждался онъ въ предметахъ первой необходимости. Но неугасшая любовь къ искусству, страстное стремленіе ближе изучить дикую, дѣственную природу Кавказа — заставляли его переживать все безропотно, постоянно учась, наблюдала, запомнила, зачерчивая, трудясь по дѣламъ подрядъ, чтобы не потерять даромъ дорогую Европу...

Въ 1864 г. Верещагинъ снова уѣзжаетъ въ Парижъ и продолжаетъ тамъ свое художественное образованіе въ школѣ знаменитаго живописца Жерома. Новые товарищи по школѣ — какъ разсказываетъ самъ Верещагинъ — враждебно, грубо и цинично встрѣтили неизвѣстнаго

смѣльчака, прѣѣхавшаго изъ «варварской» Россіи конкурировать съ ними, несмотря на то, что самъ Жеромъ и начальникъ искусствъ при Наполеонѣ III, гр. Ніерверкѣркѣ, сразу оцѣнили выдающійся его талантъ и предоказали ему блестящую будущность... Много пришлось перенести въ ту пору бѣдняку-художнику, отставая свои взгляды, убѣжденія, порой даже личное достоинство. Но борьба, съ юныхъ лѣтъ только закаляла всегда нравственныя силы Василія Васильевича, что и выразилось ярко въ столкновеніяхъ и спорахъ его съ Жеромомъ, требовавшимъ, чтобы ученикъ его рабски прошелъ ту-же классическую школу, въ которой воспитывался онъ самъ; тогда какъ Верещагина попрежнему сознательно тянуло къ живой натура, а копирование со старинныхъ образцовъ, украшавшихъ Луврскія галлерей, настойчиво рекомендованное Жеромомъ, было прямо противно его художественному пониманію. Уже въ тѣ дни Верещагинъ былъ твердо убѣженъ, что подражаніе даже хорошимъ образцамъ только убиваетъ всякий талантъ; что надо стараться рисовать не такъ, какъ рисовали великие учителя, уже отжившіе свой вѣкъ и сдѣлавшіеся достояніемъ истории искусствъ, что, напротивъ, необходимо слѣдить за собою, чтобы не повторить скандала ранѣе другими... Его не понимали; надъ нимъ открыто, грубо смеялись... А онъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ своихъ

равѣтныхъ убѣжденіяхъ въ симпатіяхъ, привѣ-
вяя въ—по мѣрѣ силы и средствъ—на
практикѣ. Въ природѣ искалъ онъ темъ для
своихъ работъ; у нея жадно, съ любовью
изучался.. Тѣмъ не менѣе, при такихъ усло-
віяхъ, которая создалась разностью взгля-
довъ его съ теоріями Жерома, Верещагину
жилось и работалось далеко не весело. Не-
удивительно, поэтому, что въ концѣ концовъ
неудержимо потянуло его изъ шумного Па-
рижа, изъ мастерской моднаго живописца,
отъ его учениковъ—на свѣтъ, на воздухъ,
на свободу!..

И вотъ мы снова видимъ Верещагина въ
1865 году па Кавказѣ, снова въ тискахъ
нужды, но всецѣло отдающагося писанью съ
натуры. Казалось, художникъ усидчивымъ
трудомъ желалъ наверстать теперь—по его
мнѣнію—даромъ потерянное въ Шаріжѣ
время. Путевые альбомы его той эпохи
быстро заполнялись многочисленными рисун-
ками, которые оригинальностью и смѣлостью
заставили безпристрастно удивляться самого
Жерома, въследствіи ихъ увидѣвшаго.

Пребываніе на Кавказѣ вмѣло для Вере-
щагина уже то огромное значеніе, что пріу-
чило его—какъ художника—мириться совсѣ-
ми лишеніями, невзгодами и случайностями
тамъ, гдѣ жизнь его сталкивалась лицомъ къ
лицу съ какой-либо интересовавшей его ху-
дожественною задачей, работать при всякой
обстановкѣ... Воспоминанія Верещагина, от-

носящія къ этому времени, ямъ начечаганыя, полны подробностей часто комичнаго или драматическаго свойства, рисующихъ, тѣмъ не менѣе, природу и дикій народъ, среди которыхъ приходилось ему по цѣлымъ днямъ работать...

Вернувшись въ Парижъ, впервые сталъ помѣщать онъ свои рисунки въ различныхъ изданіяхъ, а зиму 1865—1866 г. провелъ въ усидчивой работе, забывая и удовольствія, и отдыkhъ, поглощенный всецѣло лишь задачами искусства.

Смерть дяди, оставившаго Василію Васильевичу въ наследство сельцо Любецъ, на берегу рѣки Шексны, и улучшившая его материальное положеніе, привела его въ Россію уже художникомъ—какъ говорится—достаточно набившимъ себѣ руку въ дѣлѣ живописи. Здѣсь, увлекшись сценами изъ быта тянувшихъ по Шекснѣ бачеву страдальцевъ—бурлаковъ, набросалъ онъ многочисленные этюды съ этихъ бурлаковъ, желая создать съ помощью ихъ огромную картину, которую, однако, не окончилъ.

Затѣмъ мы видимъ оиять его разбогающимъ усердно въ мастерской Жерома. Но молодому художнику не сидѣлось на мѣстѣ: ему нужны были новые впечатлѣнія, новые, оригинальныя модели, новые свѣтовые и тѣневые эффекти. Онъ хорошо сознавалъ, что жизнь, есть оплошной серьезный трудъ, что надо еще учиться и учиться—для успѣха, боя

непосредственно уроки у великаго профессора — природы. Душный, людный Парижъ съ его искусственной сутолокой, давалъ въ этомъ отношениі блѣдный, шаблонный материалъ, по прежнему неудовлетворявшиій вдумчиваго и пытливаго художника. Его по-прежнему здѣсь не всѣ понимали. Мало того, первые успѣхи не могли не вызвать завистливаго чувства у разныхъ художественныхъ посредственостей и бездарностей, побѣдоносно шедшихъ проторенными дорогами къ опредѣленнымъ цѣлямъ, часто ничего общаго не имѣвшимъ съ настоящимъ искусствомъ, какъ понималъ послѣднее Верещагинъ... Надо было снова бѣжать и — къ счастью — выходъ открылся: въ 1867 году знакомство съ генераломъ К. П. Кауфманомъ дало Василію Васильевичу возможность отправиться въ Туркестанъ... Не раздумывая долго, не испугавшись долгаго, опаснаго пути, бросаєтъ онъ Парижъ, начатыя тамъ работы и ёдетъ въ далекій; невѣдомый ему край — за свѣжими, неиспытанными еще впечатлѣніями.

Ему повезло въ томъ отношеніи, что онъ прямо попалъ въ Самаркандъ, осажденный, вскорѣ по его приѣздѣ, при небольшомъ числѣ защитниковъ, полчищами узбековъ — послѣ отправки въ походъ генерала Кауфмана съ главными силами. Во время продолжительнаго, тяжелаго самарканского сидѣнья, когда сотни враговъ приходились на одного русскаго защитника, Василій Васильевичъ былъ душой осажденнаго гарнизона, пользовался

любовью и уважениемъ какъ офицеровъ, такъ и низкихъ чиновъ, выказавъ неоднократно на глазахъ у всѣхъ удивительное мужество, сражаясь варяду съ простыми солдатами, рискуя жизнью и полавая собою высокий примеръ самопожертвования, товарищества, исполненія долга. Нечего говорить, что боевая сбстановка пронесла художнику огромный материалъ свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній, а это, въ свою очередь отразилось впослѣдствіи на его картинахъ изъ туркестанской жизни. Георгіевскій крестъ за боевые подвиги украсилъ грудь Верещагина.

Пребываніе въ Туркестанѣ дало рѣшительный толчокъ и міросозерцанію Василія Васильевича, выдвинувъ передъ пимъ впервые войну со всѣми ся ужасами, съ ся неподкрашенной правдою, раскрывъ передъ нимъ рядъ потрясающихъ сценъ, интересныхъ типовъ страны, которая не была до того изучена художниками... Матеріала представилось достаточно для работы и перомъ, и кистью!..

Результатомъ наблюденій Верещагина явился рядъ его картинъ, помѣщенныхъ въ 1869 году въ Петербургѣ—въ видѣ отдѣла при туркестанской выставкѣ—и обратившихъ на него сразу же вниманіе всѣхъ, начиная съ Императора Александра II, несмотря на то, что имя Василія Васильевича было тогда еще мало известно въ художественномъ мірѣ.

Новая поездка Верещагина въ Туркестанъ дала ему новый обильный матеріалъ и обогатила портфели массой этюдовъ и на-

броскъ съ натуры. Онъ могъ еще разъ проверить свои первыя туркестанскія впечатлѣнія, а также, пользуясь случаемъ, совершилъ интересное путешествіе въ другія невидѣнныя имъ страны по киргизскимъ степямъ и Семерѣченской области—до границъ Китая—путешествіе, полное даже боевыхъ приключеній.

Приѣхавъ въ 1871 году въ Мюнхенъ, устроившись въ бывшей мастерской знаменитаго художника Гершельта, Верещагинъ принялъся переносить съ этюдовъ и набросковъ на полотно свои послѣднія художественные наблюденія, по-прежнему работая по цѣлымъ часамъ подрядъ, иногда въ самой неблагопріятной обстановкѣ, не щадя здравья и силъ, покидая кисть лишь для необходимаго отдыха или по болѣзни. Въ Мюнхенѣ были написаны имъ, между прочимъ, надѣлавшія столько шуму и впослѣдствіи уничтоженные самимъ художникомъ батальные картины: «Вошли», «Окружили-преслѣдуютъ», «Забытый». (Онѣ дошли до насъ лишь въ фотографическихъ снимкахъ). Прябивъ къ этимъ произведеніямъ еще другія, относившіяся къ войнѣ, и представивъ, такимъ образомъ, войну въ разныхъ ея проявленіяхъ съ безпощадной правдою, Верещагинъ сдѣлалъ выставки въ Лондонѣ, Петербургѣ. Ему хотѣлось возможно скорѣе сказать обществу истину относительно предмета, который, по мнѣнію его, трактовался

до тѣхъ поръ можно. Много огор-
ченій пришлось вынести при этомъ художни-
ку, какъ борцу за реализмъ въ искусствѣ—
и отъ друзей, и отъ враговъ. Въ то время,
какъ Императоръ Александръ II по-прежне-
му благосклонно отнесся къ молодому худож-
нику и новымъ его произведеніямъ, на Ва-
силія Васильевича посыпались горячія обви-
ненія въ печати въ отсутствіи патріотизма,
въ тенденціозной лжи—даже отъ такихъ
лицъ, какъ генералъ Кауфманъ, любовью ко-
тораго и уважевіемъ онъ дорожилъ. Вмѣсто
васлуженного успѣха, Верещагинъ неожидан-
но попалъ подъ перекрестный огонь непона-
мания, клеветы, голословныхъ обвиненій.
Большинство нападавшихъ не видѣла войны
и судили о ней по произведеніямъ, украшав-
шимъ картины галлереи. Съ такими людь-
ми не стоило и разсуждать... Но еще больше
было выслушивать замѣчанія отъ тѣхъ, кго
на себѣ испыталъ войну и, однако, возра-
жаль противъ неприкрашенной правды, вло-
женной въ картины. Новый путь, указан-
ный художникомъ въ области батальной жи-
вописи, былъ настолько смѣль и рѣзокъ, что
онемеленная толпа, нервы которой раздра-
жала эта вопіющая, голая правда, не до-
пускавшая иллюзій, какъ-бы хотѣла вымѣ-
стить на художникѣ то, что выстрадала она
невольно у его произведеній... Пришлось
пережить тяжелую нравственную пытку,
сознавая при томъ свою правоту. Самый

фактъ уничтоженія картинъ, создававшихся порой со слезами на глазахъ и мукаами въ сердцѣ по эскизамъ, сдѣланнымъ съ натуры, показываетъ на то настроеніе, которое переживалъ въ тѣ дни бѣдный Верещагинъ. Надо было бѣжать отъ этого непониманія, отъ этой травли... И вотъ, покинувъ Петербургъ, Василий Васильевичъ отправляется въ Индію. Зѣсь дошла до него вѣсть о томъ, что академія художествъ дала ему званіе профессора. Презирая въ сферѣ искусства всякия наружныя отличія, званія и чины, считая ихъ только мишуровой, вредящей дѣлу а, можетъ быть, и подъ вліяніемъ всего только что пережитаго въ столицѣ, гдѣ его большинство не поняло, Верещагинъ не побоялся въ рѣзкой, категорической форме напечатать въ «Голосѣ» свой отказъ отъ предложенного ему званія. Нечего говорить, что противъ него поднялась за это ужасная буря, отголоскомъ которой была статья академика Тютрюмова въ «Русскомъ мірѣ», гдѣ Верещагинъ печально обвинялся въ корыстолюбіи, въ писаніи картинъ въ Мюнхенѣ «компанейскимъ способомъ», въ попыткахъ прикрыть техническіе ихъ недостатки разными недостойными именами художника фокусами—вродѣ «искусственнаго освѣщенія зала выставки.... Трудно было бороться съ такой клеветой Верещагину изъ далекой Индіи.... Но свѣтъ не безъ порядочныхъ людей: въ отвѣтъ на заявленіе Тютрюмова

лучшіе русскіе художники—баронъ Клодть Ге, Якоби, Шишкінъ, Крамской и другіе—напечатали въ газетѣ «Голосъ» | коллективный протестъ отъ имени товарищества передвижныхъ выставокъ—по адресу Тютрюмова, а известный художественный критикъ В. В. Стасовъ, по уполномочію Верещагина, потребовалъ официа́льно отъ Тютрюмова, фактовъ и доказательствъ, которыхъ тотъ не могъ, конечно, дать. Между тѣмъ подробное разслѣдованіе, произведенное въ Мюнхенѣ, гдѣ работалъ Верещагинъ, среди мѣстныхъ художниковъ, доказало полную ложность обвиненія, взведенного Тютрюмовымъ, что и выражено было въ заявлениіи, подписанномъ мюнхенскими художниками и затѣмъ напечатанномъ въ газетахъ. Такимъ образомъ, гадкая интрига, направленная противъ Верещагина, благодаря энергичнымъ усилиямъ друзей истины, не имѣла на этотъ разъ успѣха, а только послужила, какъ и вся предыдущія, вынесенная имъ испытанія, къ прославленію, популяризациіи его незапятнанного вмени.

Коллекцію туркестанскихъ картинъ Верещагина, долго не находившую себѣ покупателя, пріобрѣлъ, наконецъ, въ Москвѣ известный меценатъ И. М. Третьяковъ, и теперь всякий, посѣщающій Москву, русскій или иностранецъ, считаетъ долгомъ своимъ съ нею познакомиться—наравнѣ съ другими достопримѣчательностями Бѣлокаменной.

И въ Индіи пришлось Верещагину писать свои этюды иногда въ самой тяжелой обстановкѣ, часто страдая отъ жары, холода, москитовъ, терпя всевозможные лишенія, рискуя жизнью и здоровьемъ. Какъ о предыдущихъ своихъ путешествіяхъ Василій Васильевичъ составилъ и о пребываніи въ Индіи интересныя воспоминавія, въ которыхъ со свойственнымъ ему юморомъ и наблюдательностью разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ, приключеніяхъ... Всюду, куда ни забрасывала его судьба—на снѣжныхъ вершинахъ, въ тропическую жару—онъ неутомимо изслѣдовалъ природу, набрасывалъ типы, сцены мѣстной жизни, изучалъ мѣстные нравы, копаясь въ душѣ человѣческой, уясняя себѣ сущность происходившихъ событій, по прежнему терпѣливо учась и учась...

Новый, богатый матеріалъ припѣзъ онъ зато въ 1877 г. въ Парижъ, гдѣ, устроивъ удобную мастерскую и спрятавшись отъ общества, принялся за писавшіе цѣлаго ряда картинъ изъ индійской жизни, безъ строгого обдуманной программы, начиная съ изображенія покрытыхъ вѣчными снѣгами, недоступныхъ ногъ человѣческой, «Гималайскихъ вершинъ» и кончая путешествіемъ принца Уэльского въ Индію. Задумано было много; тѣмъ не менѣе, художникъ торопился набросать картины, пока не остыли впечатлѣнія, отказываясь отъ радостей жизни, общества, развлечений, съ головой погрузившись въ

воспоминанія, эгюды, зайѣтки... Но такъ продолжалось сравнительно недолго: нача-
лась русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Верещагинъ изъ мирной мастерской вновь бросился къ натурѣ, туда, гдѣ проливалась человѣческая кровь и торжествовала смерть. Онъ не ѻхалъ на войну съ предвзятой цѣлью — восхвалять тѣ или другіе подвиги, обле-
кать въ художественную форму тѣ или другіе отдельные эпизоды и дѣлать себѣ этимъ путемъ карьеру. Нѣтъ! Онъ стремился уви-
дѣть еще разъ всѣ ужасы войны, безъ при-
красъ, въ ихъ потрясающей душу наготѣ, желалъ сиэва взглянуть на людей въ обста-
новкѣ, когда «звѣрь» беретъ поневолѣ верхъ въ человѣкѣ надъ завѣтами Христа. Его со-
блазняла мысль — еще разъ самому пережить все то, что переживаются на войнѣ другіе, чтобы имѣть право сказать обществу горькія истины, облеченные въ художественную фор-
му. И дѣйствительно, онъ беззавѣтно бросил-
ся въ самый пылъ военныхъ дѣйствій, пере-
шелъ, терпя всевозможныя лишенія, съ вой-
сками нашими черезъ Дунай, дошелъ въ от-
рядѣ генерала Гурко до Балканъ, перешелъ за Балканы, участвовалъ въ рядѣ сраженій и стычекъ и очутился въ отрядѣ М. Д. Ско-
белева, гдѣ и закончилъ кампанію. Вереща-
гину повезло въ смыслѣ разнообразія сильныхъ ощущеній. Вездѣ рисковалъ онъ жизнью, точно смѣясь надъ страданіемъ и смертью, вездѣ былъ первымъ солдатомъ или

изъ первыхъ, подавая примѣръ, выручая ближняго, скромно стушевываясь предъ другими. Въ сочиненіяхъ В. И. Немировича-Данченко, хорошо знакомаго съ Верещагинымъ и видѣвшаго его въ разные моменты въ пылу сраженій, сохранилось много интересныхъ воспоминаній объ этой эпохѣ изъ жизни нашего художника. Кое-что описалъ и самъ Верещагинъ. И когда читаешь, напримѣръ, его разсказъ о неудавшейся геройской попыткѣ Скрыдлова взорвать маленькой миноноскою «Шутка» огромный турецкій мониторъ на Дунаѣ—попыткѣ, въ которой дѣятельное участіе, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль, принималъ Верещагинъ, то ужасъ невольно охватываетъ васъ, настолько безпощадно правдиво, не дѣлая изъ себя героя, передаетъ Верещагинъ ощущенія свои во время этого безпримѣрнаго, граничившаго съ безуміемъ, подвига нашихъ моряковъ.

Много тяжелыхъ сценъ довелось видѣть Василію Васильевичу на войнѣ: онъ не могъ не отразиться на его міросозерцаніи, пройти для него беззѣдно. Такъ, послѣ взятія Шипки, пошелъ онъ по обыкновенію обходить поле сраженія, гдѣ наткнулся на трупъ юнаго вольноопредѣляющагося, лежавшій въ сторонѣ отъ другихъ... Вотъ какъ описываетъ Ф. И. Булгаковъ, со словъ художника, его впечатлѣнія:

«Молодой человѣкъ лежалъ навзничь, ру-

ки и ноги раскинуты, глаза широко открыты и смотрятъ въ небо—видно убитъ наполовинъ. Сапоги, какъ самая нужная въ походѣ вещь, сняты, карманы выворочены и письма въ огромномъ количествѣ разбросаны вокругъ—искали, очевидно, не корреспонденцію его. Впрочемъ, золотой крестикъ и образокъ, на золотой-же цѣпочкѣ, были негронуты—доказательство того, что ограбившіе трупъ были не турки».

Верещагинъ подобралъ письма и узналъ изъ нихъ, что это юноша—изъ дворянской семьи съ юга Россіи, собиравшійся было служить въ акцизномъ вѣдомствѣ, но, по объявленіи войны, возгорѣвшійся желаніемъ послужить родинѣ на полѣ брані. Вся нѣжность матери сказалась въ этихъ письмахъ: она благословляла его несчетное число разъ, умоляла беречь себя, извѣщала о посылкѣ ему съ оказіей любимаго имъ «варенья» и проч. «Пробѣгая эти письма—говорить Верещагинъ—я стоялъ около молодого человѣка и, по временамъ, взглядывалъ на него: можно было подумать, что онъ прислушивается къ моему чтенію всѣхъ съ родины, такъ пытливо смотрѣли вверхъ его, широко раскрытые, хотя и помутнѣвшіе глаза, такое удивленіе, вмѣстѣ съ глубоко затаенnoю печалью оказывалось въ его хорошенъкомъ лицѣ нѣжнаго цвѣта съ едва пробивающими-ся усиками. Я отоспалъ эти письма матери убитаго, и сколько же благословеній полу-

чиль отъ нее—слезы набѣгаютъ при одноимъ воспоминаніи»...

Раненый въ ногу во время вышеупомянутой экспедиціи на «Шуткѣ», Верещагинъ принужденъ былъ отстать отъ действующей арміи и, оправившись, попалъ уже прямо въ отрядъ М. Д. Скобелева, а съ нимъ—на приснопамятную въ лѣтоисяхъ послѣдней русско-турецкой войны Шипку. Несмотря на суровую зиму, часто подъ градомъ и непріятельскихъ снарядовъ, набрасывалъ онъ свои этюды, бродилъ по полямъ сраженій, среди труповъ, изучая выраженіе лицъ покойниковъ, ихъ позы, посѣщалъ лазареты, во все вглядываясь, вдумываясь, запоминая, зачерчивая въ свои альбомы—людей, животныхъ, природу, свѣтовые эффекты, общій видъ сраженія... Не даромъ же впослѣдствіи изъ-подъ его кисти создались такія потрясающія душу картины, какъ отпѣваніе массы русскихъ солдатъ, варварски замученныхъ подъ Телишемъ турками...

Въ качествѣ храбраго, наблюдательнаго, предпріимчиваго человѣка, Василій Васильевичъ оказалъ отряду Скобелева неоцѣнимую услугу и навсегда остался другомъ «благого генерала».

По возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій, не давъ себѣ отдыха, цѣлыхъ два года проработалъ Верещагинъ надъ созданиемъ ряда картинъ изъ русско-турецкой войны. Надо замѣтить, что никогда не могъ онъ

писать картинъ своихъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, а набрасывалъ тамъ лишь эгюды съ натуры. Необходимъ былъ известный промежутокъ времени, чтобы испытанный впечатлѣнія улеглись. Тенденція — чужда его таланту.

«Много было писано о моихъ произведеніяхъ», говоритъ Верещагинъ, «не мало было высказано упрековъ по поводу моихъ картинъ, сюжеты которыхъ я заимствовалъ изъ религіозной и военной области. А между тѣмъ все эти картины написаны мною ¹ безъ всякой предвзятой идеи, написаны мною лишь потому, что сюжеты ихъ интересовали меня. Нравоученіе являлось въ каждомъ данномъ случаѣ впослѣдствіи, какъ выраженіе вѣриности впечатлѣній».

Присоединивъ къ картинамъ изъ русско-турецкой войны свои индійскія картины, Васілій Васильевичъ въ 1880 году открылъ въ Петербургѣ новую выставку. Его уже хорошо знали; его художественная репутація уже прочно была установлена. Безчисленная толпа повалила на выставку — и вновь раздались голоса «за» и «противъ» художника. Передъ картиной, на которой было изображено поле съ трупами изувѣченныхъ русскихъ солдатиковъ, за вѣру, Царя и отечество положившихъ жизнь свой, надъ которыми служить панахиду священникъ — толпа благоговѣйно, робко замолкала и останавливалась. Это молчаніе имѣло внушительное значеніе, — какъ

доказательство ужасающей правды, вложенной въ незамысловатый сюжетъ. Тѣмъ не менѣе, именно эту картину и заподозрили въ явной, тенденціозной лжи, о чёмъ раздавались голоса въ публикѣ и въ печати... Художнику въ глаза сыпались дерзкія обвиненія въ неправдѣ, клеветѣ... Но вотъ случайно на выставку приходить тотъ самый военный священникъ, который служилъ панихиду по страдальцамъ, и который былъ изображенъ на картинѣ. Увидя послѣднюю, онъ не удержался, чтобы не воскликнуть: «совершенно вѣрно все; это я былъ тамъ. Все такъ, какъ было!» Нуженъ былъ такой безхитростный, безпристрастный свидѣтель, попавшій на выставку, чтобы толпа увѣровала въ правдивость художника... Государь Императоръ Александръ II потребовалъ картины въ Зимній дворецъ, провелъ передъ ними нѣсколько часовъ и почти передъ каждымъ холотомъ съ грустью говорилъ: «Все это иѣрно, все это такъ было!» Послѣ подобнаго отзыва Царя-очевидца Верещагинъ могъ равнодушно относиться къ нападкамъ своихъ враговъ и на этотъ разъ не уничтожалъ своихъ произведеній. На выставку часто заходилъ и герой Шейнова — М. Д. Скобелевъ, любуясь картиной, на которой Верещагинъ изобразилъ его скачущимъ передъ побѣдоносными русскими войсками по полю, усеянному трупами. Однимъ словомъ, произведенія Верещагина, несмотря на заисть, недоброжелательство, непониманіе за-

воевали-таки сердца, потрясли ихъ и заставили биться чувствами, ничего общаго неимѣвшими съ мелкими, повседневными страствами...

Въ 1881—1883 гг. коллекція картинъ Верещагина изъ русско-турецкой войны путешествовала по Европѣ, побывавъ послѣдовательно въ Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Брюсселѣ, Шештѣ—всюду, вызывая искренній восторгъ, толки, споры, удивленіе передъ русскимъ оригинальнымъ талантомъ. Но, не смотря на выставки, Василій Васильевичъ работалъ и работалъ, увеличивая туже серію картинъ новыми полотнами. Появились знаменитыя картины «Передъ атакой», «Турецкій лазаретъ», «Перевязочный пунктъ». Матеріала у художника было въ запасѣ довольно!

Въ 1883 году «болгарскія» картины (изъ русско-турецкой войны) выѣстѣ съ индійскими выставлялись съ безпримѣрнымъ успѣхомъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Въ 1884 году мы видимъ Верещагина въ Индіи, Сиріи, Палестинѣ. Результатомъ этой поѣздки были новые произведения, надѣлавшія много шума—«Тріумфальный вѣзду индійскаго вице-короля», «Индійская казнь», а также группа палеотинскихъ картина. Тѣ же картины побывали въ Германіи, Англіи, Америкѣ: слава Верещагина, какъ величайшаго, оригинальнѣйшаго художника нашего

столѣтія, окончательно упрочилась за-гра-
ницею.

Въ послѣдніе годы Василій Васильевичъ, кромѣ массы пейзажей, изображающихъ природу Сѣвера и Юга, написалъ рядъ картинъ изъ эпохи отечественной войны 1812 г., обратившихъ уже на себя вниманіе знатоковъ искусства. Картины эти мы въ скоромъ времени сами увидимъ въ Вильнѣ и дадимъ о нихъ своевременно посильный отзывъ на страницахъ «Виленского Вѣстника». Пояснительный каталогъ къ этой серии картинъ указываетъ на то, какъ много пришлось перечитать и передумать Василію Васильевичу, прежде чѣмъ приступить къ исполненію.

Узкія рамки газетной статьи не позволяютъ привести всѣ восторженные отзывы о произведеніяхъ Верещагина, высказанные печатно знатоками искусства, какъ иѣть возможности перечислить здѣсь всѣ картины, этюды, наброски красками, карандашемъ и перомъ, имъ сдѣланные. Многія изъ работъ были утеряны, погублены во время его безпрестанныхъ скитаний; иѣкоторые истребились онъ самъ. Въ общемъ-же, всѣ дошедшия до насъ и хранящіяся въ галлереяхъ произведенія художника, можно раздѣлить на пять главныхъ группъ: 1) туркестанскія картины и этюды; 2) индійскія картины; 3) картины изъ послѣдней русско-турецкой войны; 4) палестинскіе картины и этюды; 5) картины

изъ эпохи пребыванія Наполеона въ Россіи въ 1812 году.

Слѣдуетъ отмѣтить, что выставки Верещагинскихъ произведеній всюду становились событиемъ дня, вызывали небывалое оживленіе въ обществѣ, прессѣ, горячій обмѣнъ мыслей и впечатлѣній. Безчисленныя карикатуры обыкновенно предшествовали и сопутствовали Верещагиву въ его артистическихъ путешествіяхъ по Европѣ съ картинами-карикатурами, по содержанію, скорѣе лестныя, чѣмъ обидныя. Въ изданіи Булгакова помѣщены иѣкоторые изъ нихъ, причемъ самая интересная—относящаяся къ столкновенію, прошедшему въ 1885 году между Верещагинымъ и католическимъ духовенствомъ Вѣны, особенно съ кардиналомъ Гангльбауеромъ—по поводу «палестинской» коллекціи.

Мы говорили до сихъ поръ о Верещагинѣ, какъ о художнике, вскользь лишь упомянувъ о немъ, какъ о писатѣ. Между тѣмъ, онъ—несомнѣнно выдающійся, высокообразованный художникъ слова, выступившій въ свѣтъ на разныхъ языкахъ не только массу пояснительныхъ каталоговъ къ своимъ картинамъ, поражающихъ блестящимъ, литературнымъ языкомъ, оригинальностью и смѣлостью описаній, но и отдельные книги и брошюры, пользующіеся заслуженной популярностью въ публикѣ, изъ которыхъ назовемъ: «Очерки путешествія въ Гималай», «Очерки, наброски и воопоминанія», «На войнѣ въ Азіи и

Европѣ» и др. И въ этихъ произведеніяхъ Верещагинъ является неизмѣнно вѣрнымъ идеаламъ, которые проновѣдуютъ въ своихъ картинахъ: одни дополняютъ другія и для того, кто захотѣлъ бы изучить вполнѣ Верещагина, какъ передового, выдающагося художника нашего времени, глубокаго мыслителя и человѣка, необходимо прибѣгнуть и къ трудамъ его на литературномъ поприщѣ...

Попробуемъ же сдѣлать теперь выводъ изъ всего сказанного нами выше, воспользовавшись попутно и тѣмъ, что печаталось на разныхъ языкахъ о Верещагинѣ, какъ художнике, чтобы доказать, что успѣхъ его картинъ, завоеванный имъ ста такимъ трудомъ и борьбою, не есть успѣхъ моды, иѣняющейся на базарѣ «житейской суеты», потребностей и вкусовъ толпы, а есть результатъ великой победы вѣчныхъ идеаловъ—надъ времененнымъ, преходящимъ.

Начнемъ съ наружной, такъ сказать, технической стороны дарованія Верещагина.

Въ этомъ отношеніи всѣ, даже враги его, пришли къ заключенію, что Верещагинъ достигъ того совершенства, при которомъ для живописца нѣтъ уже ничего невозможнаго, если надо трактовать тотъ или другой сюжетъ. Но въ наши дни техника живописи въ общемъ настолько поднялась въ Европѣ и Россіи, что одной ею никого не удивишь. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области В. В. Ве-

рещагинъ сдѣлалъ огромный, смѣлый шагъ: одинъ изъ первыхъ, если не первый, сталь проповѣдывать онъ необходимость «plein air'a», т. е. такого писанья съ натуры, при которомъ, когда приходится изображать что-либо, происходящее на открытомъ воздухѣ, то и модель должна срисовываться на томъ же открытомъ воздухѣ, а вѣ въ полу-темныхъ отѣнахъ закрытой мастерской. Значительныхъ денежныхъ затратъ стоило художнику устроить мастерскія, въ которыхъ, при вышесказанныхъ условіяхъ, писались бы его огромные холсты. Но онъ добился-таки, по возможности, своего и, напримѣръ, подъ личнымъ его наблюденіемъ, была создана гигантская мастерская, съ дверями въ 3 сажени высотой, съ окнами въ 6 сажень, при соблюденіи условій plein air'a; въ Мюнхенѣ же, гдѣ писались его туркестанскіи картины, Верещагинъ создалъ даже мастерскую, вращавшуюся вслѣдъ за солнцемъ и въ которой натурщики и модели находились все время на открытомъ воздухѣ, озаренные солнечными лучами,

«Одинъ Богъ знаетъ», говоритъ Верещагинъ, «тѣ невѣроятныя усилія, которыя я потратилъ на писанье прямо на улицѣ. Несмотря на то, что приспособленіе у меня было такое, какъ ни у кого изъ художниковъ,—и солнце меня палило, и морозъ сковывалъ руки, я вѣтеръ не разъ рвалъ десятиаршинный полотна».

Однако, несмотря на все вышеизложенное, за границей, точно завидуя русскому гению, до сихъ поръ оспариваютъ право Верещагина на открытие *plein air'a* въ области искусства. Но правда рано или поздно возьметъ верхъ, и Верещагину поклоняются еще за границей и въ этомъ отношеніи, какъ проклоняются уже тамъ передъ гениемъ другого великаго русскаго—гр. Л. Н. Толстого, къ которому вначалѣ тоже относились скептически—осторожно.

Итакъ, путемъ усидчиваго, многолѣтняго труда, упорнаго изученія природы, безконечныхъ опытовъ и линеий Верещагинъ достигъ того, что, какъ художественный техникъ, стоить въ конкурренціи. Но Василий Васильевичъ не только искусный рисовальщикъ, рабски перенесяшій на полотно и бумагу то, что видать; онъ—къ тому же, и великий мыслитель, философъ, знатокъ человѣческаго сердца, глубокій психологъ массы... Въ этомъ отношеніи положительно пѣть ему равнаго между современными художниками, что и признано за памъ печатно такими авторитетами, какъ знаменитые художники Менцель и Мейсонье... Взять хотя бы его сюжеты изъ русско-турецкой и туркестанской войнъ.... Батальная живопись существуетъ на свѣтѣ столѣтія; галлерей,—и частная, и правительственные,—увѣшаны картинами прославленныхъ мастеровъ, посвятившихъ себя этому жанру. Но до Верещагина война

изображалась въ сущности всегда или въ искусственно-природномъ или въ искусственно-сказавомъ тонѣ. Зритель восхищался картинностью сражений и отдельныхъ эпизодовъ; передъ нимъ въ густомъ дыму, точно съ умысломъ напущенномъ въ картину, чтобы скрыть ужасы дѣствительности, проходили побѣдоносные войска съ генералами, словно на парадѣ гарцующими впереди красавцевъ-солдатъ, весело идущихъ въ бой въ мундирахъ «съ иголочки», или умирающихъ въ живописныхъ группахъ... Были, конечно, здѣсь и смерть, и раны, и кровь, и страданія; но они точно умышленно затушевывались художникомъ въ общемъ движении тысячи сражающихся, въ общей погонѣ за эффектами... И что же? Вы восторгались картиной и отходили отъ нее съ сознаніемъ, что война—нѣчто красавое, достойное быть воображеніемъ; что даже смерть не страшна подъ звуки музыки, на глазахъ у знаменитыхъ вождей, подъ развѣвающимися знаменами... Васъ вичто не возмущало, не вызывало на размышенія... А затѣмъ, отойдя отъ картины, вы быстро забывали ея подробности и со спокойной душою переходили къ другимъ такимъ-же произведеніямъ... Правда, большинство писавшихъ подобные картины со здавало ихъ на заданныя темы въ мастерскихъ своихъ, сами никогда не будучи въ сраженіи и не испытавъ на самомъ дѣлѣ, что такое война и ея ужасы, или наблюдавъ

сраженіе издалека, въ бинокль. — Поэтому, смотря на картины многихъ баталистовъ, вы невольно чувствуете какую-то скрытую въ нихъ фальшь и отходите неудовлетвореннымъ. Мало того, вы спрашиваете себя: «да было ли это такъ? Не присочинила ли досужая фантазія художника...».

Не то мы видимъ у Верещагина: Василій Васильевичъ въ этомъ отношеніи совершилъ удивительные подвиги, самъ переживъ и перестрадавъ физически и нравственно всѣ случайности войны, при томъ не изъ прекраснаго далека, не въ безопасности отъ выстрѣловъ, скватывая общія картины и разрисовывая ихъ, потому съ помошью воображенія въ мирной обстановкѣ мастерской... Иѣть, мы знаемъ достовѣрно, что онъ шелъ въ ряды простыхъ солдатъ, каждую минуту наравнѣ съ ними рисковалъ жизнью, самъ запицкался и убивалъ другихъ, чувствовалъ на себѣ не разъ холодное дыханье смерти и—на основаніи личнаго огромнаго опыта—вознечавилъ воину настолько сильно, чтобы, пользуясь талантомъ, передать эту ненависть и другимъ, войны невидѣвшимъ... Множество ятюдовъ написаны имъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, во время морозовъ и вьюгъ, когда кисть вываливалась изъ окоченѣвшихъ пальцевъ; не разъ лопнувшій вблизи снаряда обдавалъ начатую работу взрытою землею, заставляя его лишь перемѣнить мѣсто. Не разъ—по его признанію—мысленно

прощался онъ уже съ жизнью. При атакахъ дикихъ азиатскихъ полчищъ, стояль онъ плечомъ къ плечу съ русскимъ солдатомъ, живя съ нимъ по-братьски,— не смотря на разницу въ общественномъ положеніи и воспитаніи— одними и тѣми же ощущеніями, надеждами, радостями и горемъ... А кончилсъ сраженіе — Верещагинъ—по свидѣтельству очевидца писателя Немировича-Данченко—вмѣсто законнаго отдыха и успокоенія нервовъ—шелъ по полямъ и оврагамъ, собирая окровавленное тряпье, обломки оружія, взглядываясь въ лица мертвыхъ, въ положеніе ихъ тѣлъ, а затѣмъ, тутъ же, на мѣстѣ, въ зловоніи и ужасѣ этихъ поля сраженія, или со слезами на глазахъ въ какомъ нибудь турецкомъ брошенномъ лазаретѣ, гдѣ мертвые и живые были соединены вмѣстѣ на произволъ судьбы — онъ зачерчивалъ всякую ничтожную, казалось-бы, деталь, которая могла, однако, впослѣдствіи послужить къ болѣе рельефному изображенію дѣйствительности... Вѣдь до сихъ поръ живы еще многіе, видѣвшіе, кроме Немировича-Данченко, при какихъ уловіяхъ геройски работалъ иногда Верещагинъ... Полученная имъ въ бою на Дунаѣ рана краснорѣчиво говорить о той дорогой цѣнѣ, которую покупались имъ непосредственныя впечатлѣнія и наблюденія, а уваженіе такихъ лицъ, какъ М. Д. Скобелевъ, видѣвшій неоднократно возлѣ себя нашего художника въ боевой обстановкѣ, служить ручатель-

ствомъ того, что Верещагину близко знакома подобная обстановка... Поэтому, когда Василий Васильевичъ даетъ намъ изображеніе войны—мы смѣло можемъ, даже должны повѣрить ему на слово.

А между тѣмъ, именно за батальные картины и обвиняли Верещагина во лжи, тенденціозности, даже отсутствія патріотизма; за нихъ-то и вынесъ онъ невыразимыя нравственныя ныtkи, доведшія его до собственно-ручного уничтоженія картинъ, т. е. до суда надъ собою. Такое отношеніе къ художнику сдѣлается, впрочемъ, отчасти понятнымъ, если встать въ положеніе общества... Впервые люди увидѣли войну, съ которой дерзкій, начинаяющій художникъ вдругъ смѣло сорвалъ традиціонное красивое покрывало, показавъ за развѣвающимися знаменами и церемоніальнымъ маршемъ боевыхъ колоннъ осклабленную маску злорадной, торжествующей смерти... Привыкшіе къ опоэтизированію войны внезапно очутились лицомъ къ лицу съ неприкрашенной истиной, съ грудами убитыхъ, изуродованныхъ, еще недавно полныхъ жизни, надеждъ и ужаса, ближнихъ... То отвращеніе, которое въ художникъ вызвала война, страстно перенесъ онъ въ свои картины; тотъ протестъ, который давилъ ему самому сердце многие годы и разжигалъ мозгъ, подобно электрическому току, передался зрителямъ, потрясъ ихъ, заставилъ страдать и ихъ вмѣсть съ очевидцемъ человѣческой бойни...

Никогда еще, со временем существования на земль искусства, гуманная христіанская идея мира, человѣколюбія, милосердія не находила такого яркаго, безпощаднаго и къ себѣ, и къ зрителю, выражителя—среди художниковъ,—какъ Верещагинъ. Смѣло можно сказать, что сотни велерѣчивыхъ трактатовъ противъ войны, проповѣди самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и проповѣдницъ всеобщаго мира, усиленія лучшихъ людей нашего времени, не сдѣлали того, что сдѣлали въ свое время и дѣлаютъ картины Верещагина—въ смыслѣ проповѣди въ массахъ любви и милосердія къ ближнему, въ смыслѣ горячаго протеста противъ братоубийства... Живопись имѣть то несомнѣнное преимущество, что она понятна, наглядна, одновременно доступна миллиямъ и способна переносить ихъ въ обстановку, которую надо непремѣнно видѣть, чтобы оцѣнить по нравственному ея достоинству, гдѣ слово, самое краснорѣчивое, становится цорой безсильнымъ.

Верещагинъ не преувеличиваетъ своихъ заслугъ обществу, но и не умаляетъ ихъ, сознательно работая на благо человѣчества. Онъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своей проповѣди и едва-ли теперь когда либо поддастся былому порыву малодушія, чтобы уничтожить то, что создавалось въ мукахъ сознательнаго творчества... Онь ясно глядѣть впередъ; колебаній молодости для него какъ-бы болѣе не существуетъ.

Не даромъ-же въ статьѣ своей «О реализмѣ» онъ пишетъ:

«Хорошо, то, что мы скажемъ, быть можетъ, и не ново, однако несомнѣнно, что идея объ этомъ еще не проникла въ сознаніе людей. Вооружившись богатыми ресурсами искусства, мы скажемъ людямъ нѣсколько истинъ.

«Перестаньте», скажемъ мы имъ, «перестаньте услаждать себя иллюзіями идеализма, которая убиваютъ вашъ разумъ, — идеализма высокопарныхъ словъ и фразъ; оглянитесь вокругъ себя глазами сознательного реализма и вы убѣдитесь въ своемъ заблужденіи. Вы не христіане, которыми желаете прослыть. Вы не представители христіанскихъ обществъ, христіанскихъ государствъ».

«Тѣ, кто убиваетъ себѣ подобныя человѣческія существа сотнями, тысячами — не христіане».

«Тѣ, кто постоянно руководится въ частной и общественной жизни принципомъ «око за око; зубъ за зубъ» — не христіане».

«Тѣ, кто не даетъ бѣднякамъ ничего или почти ничего — не христіане».

«Что сдѣлали вы съ заповѣдью Спасителя о христіанскомъ смиреніи и о вспомоществованіи тому, кто находится въ дѣйствительной нуждѣ?»

Вотъ, въ этихъ немногихъ пылкихъ, вылившихся изъ сердца, словахъ — ясная, твердая, безоворотная программа, язвѣченная художникомъ. Вотъ тотъ идеиный, осмыс-

лленный реализмъ, въ основу которого положены наблюденія и факты, безсмертная природа, часто одухотворенная высокой, христіанской идеей милосердія и любви!.. И подобный осмысленный реализмъ противопоставляетъ Верещагинъ идеализму, который—какъ онъ говоритъ—«основанъ лишь на впечатлѣніяхъ и показаніяхъ, установленныхъ à priori»...

Много видѣлъ на своемъ вѣку Василій Васильевичъ, со многими великими, выдающими-ся людьми близко сталкивала его судьба; много разочарованій и мукъ перенесъ онъ. Но эта суровая школа жизни и слава, которую Верещагинъ давно уже пользуется, не обратили его въ пророка, ставящаго себя въ примѣръ другимъ и осуждающаго ближняго съ высоты личныхъ своихъ достоинствъ... Напротивъ, кто имѣлъ случай лично узнать Верещагина, тотъ поражается его простотой, доступностью, скромностью, способностью стущевываться въ обществѣ... Никогда въ своихъ воспоминаніяхъ не кутается онъ въ героическую тогу: мы видимъ передъ собой человѣка такого же, какъ и мы, смертнаго, годчасъ єдко смѣющагося надъ своими недостатками и приключеніями, не скрывающаго дуриыхъ поступковъ въ собственной жизни... Правдиво, по совѣсти разсказываетъ онъ о себѣ; правдиво, по совѣсти пишетъ онъ свои картины. Вы можете не соглашаться съ нимъ, отыскивать недостатки въ его произ-

ведењіахъ, не любить его, какъ человѣка, какъ художника, но вы не въ правѣ говорить, что въ чемъ либо проявилась у него неискренность, разсчетъ, расовка. Всякая такъ называемая «отсебятина» противна ему. Онъ пишетъ только то, что видѣлъ—будетъ-ли это портретъ, сцена сраженія, пейзажъ, подробность одежды. Но то, что онъ пишетъ—или вѣрно натурѣ, или обобщено, озарено идеей...

Но для того, чтобы быть великимъ художникомъ въ указанномъ смыслѣ нравственно-воспитательного воздействиа на общество, надо быть и великимъ человѣкомъ, надо умѣть свое личное «я» беззавѣтно отдать служенію миллионамъ другихъ «я»; надо умѣть познать ближняго, возлюбить его, какъ самаго себя... Надо, наконецъ, путемъ личнаго страданія дойти до познанія страданій другихъ... Недаромъ-же, создавая по этюдамъ съ натуры свои картины изъ русско-турецкой войны, Верещагинъ часто плакалъ надъ многими изъ нихъ, мучился, негодовалъ, скорбѣлъ, переживая прошлое... И это душевное состояніе, эта вѣра въ лучшіе, возвышенные идеалы, въ хорошія стороны человѣческой личности, эта упрямая надежда на времія, когда война—если не прекратится, то утратить свой жестокій, варварскій характеръ,—были высказаны красками съ такой искренностью, правдой и смылостью, что толпа, сбитая въ первыя минуты съ толку, погрясенная, зе-

имѣвшая возможности разобраться въ своихъ опущеніяхъ—новыхъ, небывалыхъ—замирала, страдала и негодовала за это страданіе на мало-извѣстнаго смѣльчака—художника. Представляю себѣ торжество Верещагина, когда онъ видѣлъ результатъ своихъ трудовъ, слышалъ благословенія друзей мира и проклятія, протесты, глумленія, сунувшіеся на его голову отъ тѣхъ, кого такъ или иначе задѣла голая, неприкрашенная истина... Но не смотря на страданіе, ей причиненное, толпа шла и шла на выставки, чтобы, заставъ дыханіе, часами стоять у его произведеній, давая отчегъ неумолимой совѣсти, загипнотизированная искренностью, убѣжденностью удивительного таланта. . Разсказываютъ, что фельдмаршалъ Мольтке, посѣтившій въ Берлинѣ въ 1882 г. выставку картинъ Верещагина на темы изъ военныхъ дѣйствій, и узнавшій, что картина, изображающая груду череповъ—какъ трофеи войны—посвящена художникомъ всѣмъ завоевателямъ—прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, съ негодованіемъ ушелъ съ выставки и... запретилъ прусскому офицерству посѣщать послѣднюю, вѣроятно, боясь, чтобы такая неприкрашенная правда о войнѣ не отразилась бы дурно на духѣ его подчиненныхъ... Но нацъ, русскимъ, нечего бояться картинъ Верещагина: вовлеченные въ войну всегда крайней необходимостью, не желающіе войны, но и безстрашно глядящіе ей въ лицо, мы грозны

врагамъ ва поляхъ сраженій, но мы въ то-
же время и тамъ умѣемъ щадить павшаго
врага, уважать его личность, мы не забыва-
емъ въ самомъ пылу битвы, что носимъ имя
Христово... Гуманныя идеи, вложенные Ве-
решагинымъ въ его картины, родственны съ
нашей натурой. Скажу болѣе: по моему глу-
бокому убѣжденію, только у русскаго, у во-
еннаго русскаго, на себѣ вынесшаго суро-
вую школу войны, какимъ былъ и есть Ве-
решагинъ, могло явиться это глубокое пони-
маніе изнанки войны, эта жажда мира—въ
самомъ пылу военныхъ дѣйствій, этотъ про-
тестъ противъ звѣрства, репрессалій, эта все-
прощающая правда... Да и въ наши дни...
Въ то время, когда вся Европа вооружает-
ся, готовится къ безпримѣрной, гасящей
рѣзни, развѣ не иль Россія, съ высоты
Престола, ва которомъ возсѣдаєтъ исканно-
русскій, по крови и духу, великий Царь, раз-
дался мощный, властный голосъ за миръ,
противъ войны, уничтожающей, развращаю-
щей цвѣтъ населенія и задерживающей чело-
вѣчество ча пути мирнаго его прогресса?!...
Развѣ не мы, русскіе, въ происходящихъ тѣ-
перь военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, по за-
вѣту своего Царя, громко провозгласили, что
вовлечены въ войну лишь силою обстоя-
тельствъ, вложивъ мечъ въ ножны, какъ толь-
ко явилась къ тому первая возможность?!

Намъ понятна поэтому, близка, симпатич-
на проповѣдь Верещагина, и если мы рань-

протестовали противъ его картинъ, то лишь потому, что въсъ болѣзненно, слишкомъ неожиданно ударило по нервамъ, и безъ того слишкомъ натянутымъ... Но вотъ улегся шумъ первыхъ протестовъ, вызванныхъ выставками Верещагина, клевета и зависть сдѣлали свое дѣло и замолкли, ошеломленное общество пришло въ себя—и мы стоимъ тѣперь передъ этими безсмертными твореніями родного гевія со словами на устахъ пской-наго Царя-Освободителя, которые произнесъ онъ передъ ними-же, съ грустью разсматривая полотна:

«Все это—вѣрно! Все это такъ и было!»

Милліоны сердцъ до сихъ порь повторяютъ эти знаменательные слова, прибавляя къ нимъ: «Это не должно повторяться! Мы христіане!.. Война—позоръ для человѣчества!»—Сколько людей отошло отъ картинъ Верещагина, ставъ лучше, проникнувшись состраданіемъ къ ближнему и отвращеніемъ къ злу... Невозможно прослѣдить, взвѣсить, переложить на цифры ту массу добра, которую сдѣлали работы нашего художника... И наставятъ время, когда имя Верещагина будетъ красоваться на ряду съ величайшими гуманистами и просвѣтителями человѣчества всѣхъ вѣковъ: мы твердо вѣруемъ въ торжество справедливости, и безпристрастіе суда исторіи!.. Мы вѣруемъ также въ то, что когда художественная техника пойдетъ впередъ и превзойдетъ технику Верещагина,

когда болѣе дерзновенные, чѣмъ онъ, художники—борцы за правду покажутъ эту правду человѣчеству въ болѣе яркихъ, доступныхъ образахъ—творенія Верещагина все-же не утратятъ своего значенія—такъ какъ въ нихъ вложено вѣчное, идеальное, которое будетъ понятно всякому въ предѣловъ време-ви и національности—пока ученіе Христа останется единственнымъ ученіемъ, которое не расшатали лже-учителя и лже-пророки современности.

Однъ изъ учителей К. П. Брюллова, въ порывѣ восторга передъ новымъ произведе-ніемъ геніального ученика своего, скромно спрашивавшаго его мнѣнія, воскликнулъ: «Мнѣ-ли учить тебя?.. Да каждый взмахъ твоей кисти—есть хвала Господу!»—Эту фра-зу можно смѣло примѣнить и къ работамъ Верещагина, никогда не писавшимся въ цѣ-ляхъ угодать модному современному Молоху. Неудивительно, поэтому, что Верещаганъ стоять особнякомъ между художниками, что онъ не создалъ своей школы, къ которой можно было бы приkleить опредѣленный, понятный большинству, ярлыкъ... Изучайте природу, служите истинѣ, указывайте новые перспек-тивы въ смыслѣ освѣщенія новыхъ, нетро-нутыхъ еще сторонъ человѣческой и обще-ственной жизни, будьте истинными, не на сло-вахъ, а на дѣлѣ, послѣдователями Христа—и, если вы художникъ, то, быть можетъ, столк-нетесь съ Верещагинымъ на его пути, но все

же не сдѣлаетесь его подражателемъ — въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать, говоря объ ученикахъ знаменитостей, усваивающихъ ихъ жанръ и манеру писать... Всякое подражаніе Верещагинъ считаетъ гибелью для таланта и, не желая плодить слабыхъ, ненужныхъ и вредныхъ подражателей, упорно отказывается отъ профессуры въ академіи... Но, конечно, онъ не отрицаетъ ни значенія академіи художествъ, какъ первоначальной школы, ни значенія художественныхъ течений прошлого времени, ни старинныхъ мастеровъ, даже отводить послѣднимъ почетное мѣсто — но только въ исторіи искусствъ. А подражать этамъ мастерамъ — другое дѣло. „Все хорошо въ свое время“, высказался Верещагинъ въ одной изъ своихъ статей: «и реализмъ одного столѣтія уже носить въ себѣ зачатки идеализма слѣдующаго за нимъ вѣка».

Твердо вѣруя въ прогрессъ искусства, Василій Васильевичъ ставить послѣдній въ прямую зависимость отъ серьезнаго изученія исторіи, естественныхъ и другихъ наукъ — отъ умѣлаго примѣненія ихъ къ задачамъ искусства. Онъ говоритъ, что «молодая школа художниковъ приметъ за неизмѣнное правило ставить каждое событие въ гармоническое соотвѣтствіе съ временемъ, мѣстомъ, освѣщеніемъ, чтобы воспользоваться всѣми новѣйшими изобрѣтеніями науки относительно характеристики костюмовъ и всякихъ психоло-

гическихъ и этнографическихъ деталей». Иными словами, движется впередъ наука — движется рука объ руку съ лей и искусство... Нѣть конца этому поступательному движению... А затѣмъ, по глубокому убѣждѣнію Верещагина, надо трудиться, учиться и учиться безъ конца, — до тѣхъ поръ, пока въ груди бьется сердце, пока работаетъ голова и кисть держится въ пальцахъ. — Бiографiя Василія Васильевича, составленная умѣло и съ любовью, для русскаго юношества, какъ бiографiя чловѣка, посвятившаго всю жизнь свою на подвиги добра, труда и науки — была бы въ наши дни слабыхъ, блѣдныхъ, безвольныхъ характеровъ — крайне своееврѣменной и полезной...

Мы кончаемъ нашу бѣглую замѣтку, не будучи въ силахъ, по недостатку времени и материала, освѣтить ее многочисленными фактами и примѣрами изъ прошлаго Верещагина. Мы даже сознаемся откровенно, что не видѣли всѣхъ картинъ его, которыхъ прибывають въ Вильну. Но и того, что сказано, вполнѣ достаточно, чтобы уяснить себѣ значеніе предстоящей у насъ выставки для всякаго, безъ различія возраста, національности, убѣжденій, положенія. Значеніе это приобрѣтаетъ еще большій смыслъ въ наши дни, когда на двухъ пунктахъ земного шара идетъ братоубийственная кровавая война и когда крошечный народъ буровъ борется за свободу.

ду и родину гъ гигантомъ, вооруженнымъ—
уы!—по послѣднему слову науки...

Но честь и слава той странѣ, которая, въ
вѣкъ всеобщаго увлеченія милитаризмомъ,
всеобщаго безвѣрія, отсутствія возвышен-
ныхъ идеаловъ, дала міру художника, по-
добнаго Верещагину—честнаго, вѣрующаго,
горячаго ироповѣдника правды и любви,
странѣ, которая позволила широко расцвѣсть
этому рѣдкому дарованію въ которой, считая
художника за лучшаго изъ сыновъ своихъ,
съ гордостью произносить его имя. Честь и
слава также и великому борцу за свободу
человѣческой личности, за «униженныхъ и
оскорблѣнныхъ», за торжество поруганной
правды — страдальческая, подвижническая
жизнь котораго—сплошной, поучительный
примѣръ для всѣхъ, кто служеніе истинѣ
ставить выше суетныхъ, переходящихъ радо-
стей земной жизни!..

А. В. Ж—чъ.

УКАЗАТЕЛЬ
ВЫСТАВКИ КАРТИНЪ
В. В. Верещагина.

- 1) Нередъ Москвою---ожиданіе депутаціи
бояръ.
- 2) Въ Успенскомъ соборѣ.
- 3) Въ Кремлѣ—пожаръ!
- 4) Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.
- 5) Въ Городнѣ — пробиваться или отступать?
- 6) На этажѣ—дурнья вѣсти изъ Франціи.
- 7) На большой дорогѣ — отступленіе.
бѣгство...
- 8) Не замай! — дай подойти!
- 9) Съ оружіемъ въ рукахъ—разстрѣляты!
- 10) Въ штыки! Ура! Ура!
- 11) Вологодскій мастеровой.
- 12) Вѣтходскій домикъ вечеромъ.
- 13) Старушка вологжанка.
- 14) Послушница Вологодскаго женскаго монастыря.
- 15) Портрѣтъ г-жи Р.
- 16) Закатъ солнца надъ Москвою.
- 17) Хорошенькія кумушки.
- 18) Подвышившія кумовья.
- 19) Часть московскаго Кремля, ночью.
- 20) Да ма.
- 21) Отставной дворецкій.
- 22) Старуха нищенка, 96 лѣтъ.
- 23) Внучка, молодой, лѣнивый кузнецъ.

- 24) Панерть церкви въ селѣ Толчковѣ, близъ Ярославля.
- 25) На сѣверной Двинѣ—въ грозу.
- 26) На югѣ.
- 27) Скала подъ Иакерманомъ.
- 28) Въ Крыму.
- 29) Въ Крыму.
- 30) Въ Крыму.
- 31) Портретъ г-жи В.
- 32) Прачка въ Вашингтонѣ.
- 33) Темный джентельменъ.
- 34) Высматриваютъ.
- 35) Панадаютъ врасплохъ.
- 36) Окружили—преслѣдуютъ.
- 37) Представляютъ трофеи.
- 38) Торжествуютъ.
- 39) У гробницы святого.
- 40) Апоѳеозъ войны.
- 41) Дверь Тамерлана.
- 42) Продажа невольника.
- 43) Дверь мечети.
- 44) Смертельно раненый.
- 45) Киргизъ-охотникъ.
- 46) Самаркандская тюрьма клоповникъ.
- 47) «Тесь! пусть войдутъ!..»
- 48) Вошли!
- 49) Хоръ Дивановъ, въ Ташкентѣ.
- 50) Забытый.
- 51) Переочевка киргизовъ.
- 52) Парламентеры.
- 53) Разстрѣливаніе изъ иушекъ въ Иадіи.
- 54) При гробницѣ святого.

- 55) Ворота въ старомъ Дели.
- 56) Принцъ Уэльскій въ Индіи.
- 57) Буддійскій лама въ Гималаяхъ.
- 58) Нерль—мечеть въ Агрѣ, въ Индіи.
- 59) Мечеть въ Футепорѣ Сикри.
- 60) Старый домъ близъ Агры (въ Футепорѣ-Сирки).
- 61) Индійскій мусульманинъ.
- 62) Бутія, въ Гималаяхъ.
- 63) Людоѣдъ.
- 64) Бывшая мастерская В. В. Верещагина въ Парижѣ.
- 65) Дорога въ Илевину.
- 66) Побѣжденые.
- 67) Побѣдители.
- 68) Передъ атакой.
- 69) После атаки.
- 70) Траншея.
- 71) Никеть въ Балканахъ.
- 72) «Иа Шипкѣ все спокойно!»
- 73) Улица на Шипкѣ.
- 74) Транспортъ раненыхъ.
- 75) Шилюнъ.
- 76) Скобелезъ подъ Шипкой-Шейновымъ.
- 77) Никеть на Дунавѣ.
- 78) Главный штабъ.
- 79) Адъютантъ.
- 80) Могилы на Шипкѣ.
- 81) Гробница королей въ Іерусалимѣ.
- 82) Стѣна Соломона тамъ же.
- 83) Русскій пустынникъ на Геданѣ.
- 84) Румынскій монахъ, пустынникъ.

- 85) Еврей — раввинъ.
- 86) Кумирскій арабъ.
- 87) Арабка.
- 88) Пещера «сорокадневной горы».
- 89) Трапеза рядомъ съ этой пещерой.
- 90) Въ Йерусалимъ.
- 91) Близъ Тиверіады.
- 92) Въ пустынѣ.
- 93) Тоже.
- 94) На озерь.
- 95) Московскій Кремль.
- 96) Дворикъ еврейскаго дома въ Йерусалимѣ.
- 97) Мастерская В. В. Верещагина въ Москвѣ.
- 98) Наполеонъ въ Бородинской битвѣ.
- 99) Конецъ Бородинскаго сраженія,
«Vive l'Empereur!»
- 100) Зарево Замоскворѣчья.
- 101) Сквозь пожаръ.
- 102) Поджигатели.
- 103) Въ Чудовоу монастырѣ.
- 104) «Хочу мира — во что бы то ни стало! Спасите только честь!» (наказъ генералу Дористопу).
- 105) Ночной прихватъ великой арміи.
- 106) Наполеонъ въ морозъ.
- 107) Генералъ Раши.
- 108) Въ Балканахъ, Исаакиинскія батареи, Зимой (1878 г.).

109) Въ Балканахъ, на перевалѣ (1878 году).

110) Московскіе Кремлевскіе соборы, въ зимнемъ туманѣ.

Юго-восточный уголъ Кремля.

На Сѣверной Дворцѣ, Закатъ солнца.

Молодая девушка сѣнера Россіи.

Молодая еврейка.

Еврѣскіе тинѣ.

Малороссіянинъ.

Малороссіянка.

Татаринъ.

Южно-русская красавица.

Въ Туркестанѣ, нищенствующіе монахи.

Въ Индіи, сухое дно рѣки Джумглі.

Въ Индіи, заходъ солнца надъ мечетью (Дели).

Въ Индіи, сиѣга Гималаевъ.

Въ Трансваалѣ и вездѣ, сегодня... завтра... какъ вчера... подъ всѣми формами.

Въ Іерусалимѣ—царскія гробницы.

На Кавказѣ, по военно-грузинской дорогѣ.

На Кавказѣ, гора Казбекъ.

Гора Эльборусъ.

Въ Крыму.

Въ Крыму, мысъ Фіолентъ, Партеніумъ древнихъ.

Мысъ Фіолентъ, при заходѣ солнца.

Храмъ Діаны, на мысѣ Партеніумъ.

Георгіевскій монастырь вечеромъ.

Крестовая гора.
Скала св. Георгия, утромъ.
Она-же вечеромъ.
Портретъ г-жи В.
